

Хельга Крюгер

Исповедь одной души

Хельга Крюгер

Исповедь одной души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72589090

SelfPub; 2025

Аннотация

Ее жизнь – это ее персональный ад. Всю жизнь она только и делала, что пыталась вырваться оттуда. Всю жизнь она пыталась стать счастливой. Взлёты и падения, смех и слёзы, радость и разочарование, унижения и издевательства, страх и боль, сила духа и ненависть- это её жизнь, в этом вся она.

Она оказалась не нужна родной матери, а отчим её избивал.

Она – это я, и я считаю, мне есть что рассказать этому миру.

Хельга Крюгер

Исповедь одной души

Хельга Крюгер

Исповедь одной души

А может, плохое просто нужно нам для того, чтобы мы не забывали ценить хорошее.

Д. Пиколт

Боль не укладывается в одно слово. Боль должна быть маленьким рассказом.

М. Шалев

ГЛАВА 1

Мне было четыре, когда мои родители развелись. До шести лет я жила у бабушки и папы. Но потом появился он – отчим. Мать второй раз вышла замуж и у меня началась "новая семейная жизнь".

Отчим сразу установил свои порядки в доме:

– Теперь я, ты и мать – это семья. Мы твоя семья. А всякие там бабушки и прочие люди для тебя – никто. Поэтому

больше ты к ним ходить не будешь и вообще забудь за них. Теперь я – твой папа.

Слушая сей монолог, я не понимала, почему он так говорит и почему мама не встала на мою защиту. Не понимала, кто это вообще такой, почему он живет с нами. У него, что, нет своего дома?

Со временем порядки в доме ужесточились – я должна была убирать во всем доме, пропалывать рассаду в огороде, поливать растения и целыми днями пасти цыплят.

Однажды мы втроем пололи помидоры. Был жаркий летний день, мне, шестилетней, было тяжело полоть огромной и неудобной тяпкой, которую выдал отчим. Я работала и думала, как бы всё поскорей закончить. Мне показали, как выглядит рассада и велели всё вокруг нее убирать. В процессе работы замечаю, что отчим пропустил сорняк и срезаю его под корень. Так я впервые столкнулась с домашним насилием.

Это было моим первым наказанием. Наказанием за то, что я по незнанию уничтожила росток конопли, посаженный отчимом среди помидор. Он очень долго орал на меня, называя тупой и криворукой, и говоря, что я должна была догадаться оставить растеньице, ведь он вокруг уже прополол. На мои робкие попытки оправдаться отчим орал еще громче. Схватив за ухо, он повел меня в дом. Швырнув меня в угол комнаты и насыпав на деревянный пол жменьку пшеницы, отчим поставил меня коленями прямо на зёрна и ушел.

Не понимая, за что ко мне такое отношение и думая о несчастном срубленном ростке, я простояла так около двух часов. Колени ныли, было очень больно стоять, острые зерна впивались в нежную кожу коленок. Такое ощущение было, что ещё немного и зёрна достанут до костей.

Вернулся отчим, сказав, что для меня слишком большое удовольствие отлынивать от работы в прохладном доме, пока они с матерью горбатятся в огороде на жаре. Я побрела в огород, радуясь долгожданному освобождению из угла и мысленно жалея коленки. Работа в огороде теперь была не так уж в тягость. Отчим к этой теме больше не возвращался, мама молчала, а я думала, что теперь-то всё хорошо и больше подобного не повторится, не подозревая, что это только начало и дальше будет хуже.

Целыми днями я следила за цыплятами, наивно полагая, что с началом школьных дней это закончится. Одновременно отчим "учил" меня читать. Читать я уже умела, и для своих шести лет довольно неплохо, правда, не любила.

Вторым излюбленным наказанием отчима было чтение. Он мог дать наугад любую книгу со сказками, и я должна была прочитать "от сих до сих" и пересказать ему.

Со временем я привыкла, что меня могут поставит в угол на колени, предварительно насыпав соли или пшеницы, привыкла и к наказаниям читать. Я просто отключала мозг и все эмоции, делая то, что от меня хотят и не думая ни о чем. Наверно, отчим понял это, потому что с каждым разом распла-

та за проступки становилась изощреннее. А может он понял, что все издевательства и унижения останутся безнаказанными. Теперь я должна была не только читать и пересказывать, но и писать изложения по прочитанным книгам, а также писать сочинения, которые ему никогда не нравились, поэтому приходилось переписывать по несколько раз. Дальше началась зубрёжка ненужных стихов. Отчим называл это воспитанием.

Однажды за очередную провинность меня заставили учить стихотворение Пушкина "Няне". Давалось оно тяжело и никак не хотело запоминаться. Я уже устала, слипались глаза. Мама молча сидела рядом, также засыпая. Отчим загнал её спать, а мне велел учить, пока не запомню от начала до конца. Бубня очередную строчку противного стиха и засыпая над книгой, я мечтала уснуть, тогда он выводил меня во двор и велел пару раз оббежать вокруг дома, чтобы прогнать сон и учить дальше.

Сжалившись надо мной к пяти часам утра, отчим разрешил лечь спать. Я вырубилась, едва голова коснулась подушки. Через два часа были сборы в детсад. Я шла с мамой, слушая по дороге её нравоучения:

– Не перечь Игорю, не зли его и делай, как он скажет.

Моя голова плохо соображала, поэтому я шла молча. Я мечтала, чтоб от меня все отстали, чтоб Игоря никогда больше не было в моей жизни, чтоб он умер, исчез, испарился; грезила, что я вернусь жить к папе и бабушке, ведь так ску-

чала по ним. Почему же эта женщина защищала его? Значит, она против меня? Значит, она не любит меня? Странные мысли для шестилетки, не правда ли? Но они имели место быть.

По возвращению из садика, меня опять посадили за зубрёжку стихотворения и к вечеру я его наконец-то выучила. Пересказав отчиму, тут же забыла все слова.

ГЛАВА 2

Прошел год, как мы жили втроём. Я пошла в первый класс, узнала, что Игорь – мамин муж и никуда он не съедет от нас. К домашним делам и хлопотам по хозяйству прибавилась школьная нагрузка, а также самогонварение.

Отчим занялся изготовлением и продажей самогона. Теперь в мои обязанности входило: поход на рынок за дрожжами один-два раза в неделю, смена воды для самогонного аппарата, тщательное размешивание деревянной скалкой всех продуктов в больших железных флягах и продажа алкоголя.

В тот год Игорь впервые ударил меня. Я даже не знаю из-за чего. Осенним промозглым днем я сидела у себя в комнате и рисовала. Игорь с мамой очень громко кричали, выясняя отношения, как вдруг он влетает ко мне и опрокидывает стул вместе со мной. Я не ушиблась, нет, но я испугалась. Взрослые орут. Кажется, мама кричит: «Игорь, не бей её!». Но он всё бил и бил. Я лежу в позе эмбриона, закрыв голову рука-

ми, и ору. Я мечтаю, чтоб всё прекратилось. Мать повисла на своём муже, но он не обращал на нее никакого внимания.

Мне так страшно. Это непонятные и странные ощущения, боль полностью поглотила меня, я кричу. Всё происходит очень быстро, за считанные секунды, но для меня тянется, как в замедленной съёмке, время словно остановилось. Но вдруг Игорь переключается на маму, хватает её за волосы и, валя с ног, тащит по всему дому. Отволочив маму в другой конец дома, он развернулся и потащил её обратно в мою комнату, всё время держа её за волосы. Она пытается вырваться, кричит, сопротивляется, но силы явно не равны. Я вижу, как мать хватается Игоря за руку, пытаюсь освободиться, но хватка у него железная.

От страха я залезла под стол и сидела там, обхватив колени руками и крича: "Не трогай её! Мама! Мама! Не бей её!" У меня уже была истерика, меня трясло, когда он приволок её ко мне, с силой швырнув к моим ногам и отпустив её длинные волосы. Я боялась, что Игорь убьёт маму в приступе ярости, а потом и меня.

– Не лезь не в своё дело, женщина! Я воспитываю твоего ребенка, а ты мешаешь! Посмотри, какая она у тебя неуправляемая! Ещё раз влезешь-доставаться будет и тебе! Ты всё поняла? –орал Игорь в лицо маме, схватив её за грудки, пока она лежала на полу, давясь слезами.

– Да, Игорь, я поняла, только не бей меня больше.
Её голос дрожал.

Едва прошептав эти слова, мама вскочила на ноги, схватила меня, больно прижав к себе одной рукой и хватая на бегу мои куртку и сапоги, и мы побежали. Мы бежали в другой конец дома. Там, снаружи, у окна стоял её двоюродный брат-дядя Вася. Мать открыла форточку и стала проталкивать меня наружу, к дяде Васе. Я упиралась, ведь не хотела оставлять её наедине с этим монстром, боялась, что он убьёт маму. А вдруг мне потом придется жить с ним?

Мать вытолкала меня в форточку с криком: «Вася, лови её, держи», как в комнату залетел бешеный отчим. Он начал оттаскивать маму от окна, одновременно пытаясь затащить меня внутрь и приговаривая, что это наши семейные проблемы и нечего выносить их за пределы семьи. Мама выкинула в форточку мою одежду, крикнув:

– Вася, увози её! Вези её к бабуле!

Я боюсь за нее, упираюсь, вырываясь из рук родственника, но он держит крепко. Мы садимся в машину и едем к бабушке. Мама тем временем срывалась из виду, и за спиной я слышу её крики. Дядя Вася пытался меня отвлечь, расспрашивая о чем-то, но я слишком потрясена случившимся и погружена в свои мысли. И тут же обо всем забываю, едва увидев папу и бабушку. Через пару дней меня забрали домой.

Именно тогда в моей душе зародилось семя ненависти, которое росло с каждым годом всё больше и больше, не давая мне покоя и обжигая нутро.

Дома меня ждал серьезный разговор.

– Я тебя на этот раз прощаю, что ты была у чужих людей, это же тебя мамочка туда отправила. Но имей в виду, если я узнаю, что ты была там ещё раз, тебе не поздоровится и мамочке твоей тоже достанется. Запомни и заруби себе на носу: здесь теперь твоя семья, а они-чужая семья, они не относятся к нам! Твой папа вообще тебя бросил! Нет у тебя больше папы, для тебя он умер. Я теперь твой папа!

Тон голоса Игоря заставил меня дрожать. Понимая, что это не шутки, я согласилась с каждым его словом, но в душе я бунтовала. Как же папа и бабушка могут быть мне чужими? И как мне теперь видется с ними, не могу же я позволить этому монстру завладеть мною, считая его папой? Я была в отчаянии и знала, что должна что-то придумать для встреч с родными. Ведь они-моя семья! Пока я рассуждала, меня охватила волна злости и отчаяния. Да кто он такой, чтоб распоряжаться моей жизнью и решать, что мне делать и чего не делать?

С этого дня я поняла, что, для того чтобы выжить, надо меньше перечить новоиспеченному папаше и делать, как он говорит. Так началось мое противостояние, затянувшееся на долгие годы.

ГЛАВА 3

Шел третий год моего выживания. Периодически отчим поколачивал меня, кроя отборным матом. Самыми прилич-

ными словами, которыми он меня называл, были «дура» и «идиотка». Он бил меня резиновым садовым шлангом, старой советской мухобойкой, ручкой веника, иногда прилетало черенком от лопаты, но чаще всего бил кулаками, которые были размером с мою голову. Восемь лет с моего тела е сходили синяки и гематомы, постоянно болели голова и поясница. Я жила в вечном страхе и тотальном контроле. Все мои увлечения – журналы, плакаты, кассеты с музыкой – летели в костер. Вот так приходишь из школы, а из твоей комнаты пропали все плакаты; оставшиеся следы на обоях обнажали картинку с Карлсоном – фотообоев, поклеенных, когда мне было шесть. В костре был сожжен и гербарий – увлечение целого лета. Я три месяца вместе с соседской девочкой собирала и засушивала листики и цветочки. Позднее был сожжен альбом с целой коллекцией наклеек с изображением Гарри Поттера.

Игорь постоянно орал на меня, постоянно избивал – до первой крови или пока не потеряю сознание. А однажды я обмочилась, пока он меня бил.

Мама больше не лезла, усвоив урок. Она никогда не вмешивалась и всегда молчала, сохраняя нейтралитет и не поддерживая ни одного из нас, лишь бы ее не трогали. Она даже обстригла волосы, раньше она носила косу до пояса, но после того случая, когда Игорь оттащил ее за волосы, она стала носить короткое каре, а затем и вовсе постриглась под мальчика. Я подходила к маме, умоляя вмешаться и защитить меня.

– Правильно Игорь сделал, что побил тебя! Ты сама виновата! А если б сделала, как он говорит, то не трогал бы тебя! Меня же он не бьет! – говорила она, глядя на меня с отвращением. – Иди отсюда, не мешайся и не ной!

Всхлипывая, я уходила во двор, а мама садилась смотреть очередной сериал. Ее не волновало, что происходит за ее спиной, лишь бы не трогали ее саму. Что ж, она на «отлично» усвоила урок...

Иногда мама говорила с раздражением:

– Хватит ныть! Я отработала и устала! Ты еще тут скулишь.

И отвечивала подзатыльник.

Все лето я читала ненавистные мне книги, одновременно следя за цыплятами и утятами. Каждый вечер – прополка и полив рассады. Таская каждый раз ведро за ведром, я утешала себя, что скоро все закончится. От тяжести у меня болели все мышцы, колело в боку и паху. Полив кукурузы так вообще было для меня испытанием – она росла в самом конце огорода и на ее полив уходило около двух часов. Спустя годы у меня обнаружили три грыжи в поясничном отделе позвоночника, смещение нескольких позвонков и начинающуюся паховую грыжу.

Подъем каждый день был в шесть часов – надо собирать колорадских жуков с картофельной ботвы, причем делать это надо руками, никакой химии, заодно уничтожая кладки яиц. Вечером, после поливки, я опять собирала жуков в ба-

ночку. Такое было мое лето из года в год.

Я думала, это и есть ад, но как оказалось, это только начало.

То лето, после которого я должна была идти в пятый класс, было более-менее нормальным. Но появился страх, который я не могла ни понять, ни объяснить. Мне было страшно переходить в пятый класс, словно должно было произойти что-то ужасное. В то лето Игорь нанял местного алкаша оштукатурить пристройку. Это был неопрятного вида седой дед. Когда он почти закончил свою работу, то попросил меня полить ему на руки воду, сказав:

– Лей маленькой струйкой, будто писаешь.

Я надулась, но промолчала. На следующий день он пришел купить самогона. Я открыла калитку, взяла деньги и вернулась с бутылкой. Дед как-то странно посмотрел на меня, прищутив глаза, и сказал:

–Ты сделала мне приятное, теперь я хочу сделать тебе приятное.

С этими словами он протянул руку и начал гладить меня между ног через ткань шорт. Я стояла как вкопанная, не понимая, что происходит. Старый извращенец все наглаживал меня, приговаривая: «Тебе хорошо?» В какой-то момент я очнулась, сунула деду в руки бутылку и, ударив его калиткой по руке, убежала.

Вечером я рассказала о случившемся отчиму, но наверно мне не поверили, потому что дед приходил еще несколько

дней, пока полностью не закончил работу. Больше я его не видела.

Лето закончилось, наступил сентябрь и началась учеба. Появились новые предметы и из-за домашних дел я стала хуже учиться, нахватав «троек». Я не понимала, да и не хотела вникать, мне было все равно. Свободное от уроков время я проводила в огороде. Иногда меня отпускали в гости к соседской девочке, но больше друзей у меня не было. Отчим продолжал издеваться надо мной и избивать.

Как-то я шла мимо него, мы встретились взглядами.

– Какого черта ты смотришь на меня? Чего ты тут свои zenки раскрыла? Иди, куда шла, еще раз посмотришь на меня – юшкой умоешься.

Он покрыл меня трехэтажным матом, которого я прежде не слыхала. Опустив вниз голову, я попыталась побыстрее проскочить мимо, но Игорь ударил меня ногой. Я упала. Следующий удар пришелся на поясницу. Я пытаюсь отползти, но на меня снова и снова сыпятся удары попеременно с матами и проклятиями. Я кричу. Я всегда кричу, чтоб заглушить боль и не слышать голос отчима.

На следующий день соседи с обеих сторон спрашивали меня, что за крики были, почему я кричала. Я не знала, что говорить и говорила, что все нормально. Тогда взрослые меж собой шептались, что Игорь меня бьет. Тем не менее ни один не вмешался, а я боялась сказать кому-либо. Отчим давно предупредил меня, что убьет меня, если я проболтаюсь о

том, что творится дома. И я верила ему. Как и в то, что никто не сможет мне помочь, потому что в небольшой станице у Игоря было множество знакомств; его родственники занимали высокие посты в органах власти.

Участились случаи «воспитания» и из-за успеваемости. Теперь за каждую «тройку» и «четверку» меня били линейкой по рукам, пока те не начинали синеть; били головой об стену; били лбом об лоб, от чего я практически сразу оседала на пол, цепляясь за уродливый красного цвета ковер, висевший на стене. Игорь бил меня по спине ногами, стараясь попасть по пояснице и почкам, пока я, корчась от боли, страха и ненависти, умоляла его прекратить.

Все каникулы – осенние, зимние, весенние, летние – я занималась учебой. По тем предметам, по которым оценки были ниже «пятерки», я целыми днями с утра до вечера зубрила учебники, иногда честно стараясь понять или запомнить очередную формулу. В основном я зубрила алгебру, химию и физику. Но в большинстве случаев я просто бубнила очередной параграф, не вникая в смысл прочитанного. Я читала на автомате, отключив все эмоции. Так продолжалось из года в год. А летом к чтению учебников добавлялись хлопоты по хозяйству.

Когда мне было тринадцать, в то лето я штудировала учебник по высшей математике. Игорь хотел из меня сделать профессора, не иначе. Книга досталась ему от приятелей – один из них закончил институт и решил, что мне эти книги при-

годятся. Что и говорить, высшая математика была для меня китайской грамотой с вычурными иероглифами. Я почти три месяца тарасилась в учебник, честно пытаюсь хоть что-нибудь понять, ведь Игорь мог проверить прочитанное в любой момент.

Ни один из этих предметов я не понимала, да и не хотела. Мне это было неинтересно.

ГЛАВА 4

Мама теперь уже практически не участвовала в моей жизни, я больше не могла ей доверять, хоть и нуждалась в помощи и защите. О половине моих провинностей она рассказывала Игорю, что ей не нравилось в моем поведении, тот моментально приходил в бешенство и избивал меня, приговаривая, что научит слушаться взрослых и уважать мать. Она в это время, казалось, наслаждалась моментом и, сидя напротив меня, только ухмылялась. Если же мы с ней ссорились, когда его не было дома, она всегда угрожала, что обязательно расскажет Игорю, как только тот вернется домой, чем доводила меня до ужасных истерик. Пока я плакала навзрыд и умоляла ничего не говорить отчиму, она пялилась в телевизор, игнорируя меня. Словно меня не было в комнате.

А в чем заключались мои провинности? Это было слово, вырвавшееся невзначай и показавшееся маме грубым; это «четверка» в дневнике, о которой не знал Игорь; это вырван-

ный из тетради лист или потерянный ластик.

В один прекрасный день отчим решил, что пора называть его папой.

– Мне перед друзьями стыдно уже, что зовешь меня по имени. Ни у кого такого нет в моем окружении, всех зовут папами. Позорище! «С этого дня будешь меня звать «папа»», – сказал, как отрезал, Игорь.

– Но мой папа – Витя, – робко пролепетала я, опустив голову, и ожидая кары небесной.

– Что? Что ты сказала?

Я молчу, понимая, что ляпнула лишнее, и сейчас меня за это накажут.

– Повтори, что ты сейчас сказала!

После этих слов последовал удар по щеке, от чего моя голова резко дернулась вбок. Я заплакала, понимая, что дальше будет хуже и жалея о своих словах, но повторить я не смела, зная, что это еще больше разозлит Игоря. Снова пощечина.

– Повтори, я сказал, иначе хуже будет.

– Мой папа – Витя, – едва прошептала я, затаив дыхание.

Его глаза налились кровью, казалось, по его венам течет ненависть и злоба. Комната будто пропиталась яростью.

– На колени!

Его рев был словно гром среди ясного дня, глаза метали молнии. Я рухнула на колени, опасаясь за свою жизнь.

– Игорь, пожалуйста, не бей меня! Я больше так не буду! –

рыдая, умоляла я.

На меня обрушился шквал ударов, основная часть которых приходилась на затылок и лицо, но также доставалось и спине. Воя от боли и безысходности, я закрыла лицо руками. Между ударами Игорь наклонялся к моему уху и вопил:

– Ну, кто твой папа?

Я не могла его назвать папой. Для меня это было предательством – и себя самой, и папы. Да и Игорю я не хотела доставлять удовольствие. Назвать это чудовище папой означало проиграть эту битву, а этого я допустить не могла. Мой папа – Витя и точка.

Однако преимущество было на стороне отчима, и я в конце концов сдалась, оказавшись без поддержки и защиты, оставшись одна на всем свете. Папа был так далеко, мы словно на разных планетах жили. Я назвала отчима папой. Он стоял, возвышаясь надо мной и наслаждаясь властью, и праздновал победу. Звериный взгляд словно говорил: «Не связывайся со мной, я все равно сильнее.»

Я ненавидела Игоря всеми фибрами души, и эта ненависть росла с каждым днем все больше, пока почти полностью не овладела моим сердцем, превращая его в каменное.

На протяжении месяца я пыталась запомнить, что теперь Игоря следует называть «папа». За глаза я же звала его по имени или фамилии. В течении всего этого времени я получила оплеухи и пощечины, как только забываясь, называла его «Игорь».

Конечно, я пыталась рассказать бабушке в дни наших нечастых встреч, слабо понимая, чем она может помочь. Удивительно, но она его защищала. Говорила, что Игорь имеет право просить называть его папой, ведь теперь мы жили втроем, а значит мы – семья, а я просто неправильно поняла Игоря, вот и бунтую. Ох, если бы это было правдой... Бабушка вообще всегда защищала мать и отчима, пытаюсь наладить мир в этой семье.

В общем, я смирилась, что помощи ждать неоткуда, полностью отдавшись власти отчима. И теперь я его называла папой, тихо ненавидя и его, и себя.

К постоянным головным болям добавилась бессонница. Ночами напролет я слушала звуки фильмов, которые смотрел в соседней комнате Игорь. Он страдал бессонницей, отсыпаясь днем, пока мать на работе, а я в школе. Успеваемость скатилась еще ниже. Я теперь неотрывно сидела за учебниками, так ничего и не понимая. Тем временем поясница болела и ныла, не переставая. Я думала, это из-за побоев. Боль стала моим постоянным спутником, но я научилась жить с ней, порой стараясь не замечать и глотая одну таблетку за другой, которые давали временное облегчение. Издевательства и побои продолжались, и у меня уже не было выносить это. Ни физических, ни моральных.

Однажды наш класс отправили на медосмотр в поликлинику. На приеме психиатр спросила меня, как я сплю. Я призналась, что у меня бессонница. Не знаю, зачем я это сказа-

ла, может, у меня появилась крохотная надежда, что кто-то сможет мне помочь и прекратить тот ад, длившийся семь лет.

– От чего же? – врач оторвалась от своих записей и поглядела на меня поверх очков.

– Я не знаю, просто не могу уснуть, – пожалала я плечами.

– А родители? Они ругаются между собой?

– Нет, они только меня ругают.

– Из-за чего ругают? Из-за оценок?

– Из-за всего. И из-за оценок тоже.

– Ты так плохо учишься?

– Да не совсем плохо, на «четверки», но в последнее время практически ничего не понимаю, хоть и стараюсь.

– Хм... Тебя больше ругает мама или папа?

– Отчим. Он мой отчим. Он еще и бьет меня, а мама не вмешивается.

– Почему?

– Потому что тогда он и ее побьет. Она боится.

– И часто он тебя бьет? – продолжала расспрос врач.

Я уже порядком устала. Понятно, что здесь мне не помогут. Пора заканчивать наш разговор.

– Постоянно. Бывает, что и каждый день, – вздохнув, ответила я.

И тут психиатр оперлась локтями на стол, подавшись вперед, и шепотом произнесла:

– Мой тебе совет: отрави его. Житья тебе не будет, ты должна выжить! И не только выжить, но и прекратить это

все. Подсыпь ему в еду что-нибудь, никто не узнает.

От шока я сидела молча, таращась на женщину и пытаюсь понять, что же скрывается за толстыми стеклами очков. Кажется, я даже забыла, как дышать. Да уж, не каждый день услышишь такое! Но как бы там ни было, я бы не смогла это сделать. Схватив рюкзак и пробормотав «спасибо», я побежала из кабинета. Весь день я провела в оцепенении, снова и снова прокручивая слова врача. Через несколько дней я уже и думать забыла об этом разговоре.

А у Игоря в скором времени появился еще один повод избить меня. Одним октябрьском днем в школе отменили два последних урока. Я, счастливая, побежала в магазин за конфетами, думая, что за это время я успею съездить к папе и вернуться домой к окончанию занятий. Я точно рассчитала время, вернувшись вовремя, так что Игорь не должен был ничего заподозрить. Однако по возвращению домой он уже поджидал меня.

– Ну и где ты была? – ядовито поинтересовался отчим.

– Как где? В школе, – небрежно отвечаю я, снимая обувь.

– Че ты врешь? – мгновенно приходит он в ярость. – Тебя видели, как ты в дом к папочке своему заходила. Ты думаешь, самая умная? Ты думаешь, можешь врать мне? Я тебе сказал: забудь туда дорогу, твоя семья здесь. Какого черта ты туда ходила?

Я стою молча, опустив голову и уткнувшись взглядом в пол. Отчим переходит всякие границы, отвесив смачную за-

трещину.

– В глаза смотри! И отвечай, когда тебя спрашивают! – рявкнул он прямо в ухо.

– Просто, – едва промямлила я дрожащим голосом.

Следом последовала еще одна затрещина, посильнее первой. Я едва удержалась на ногах, хватаясь за стену. В глазах потемнело, кружилась голова.

– Что такое? – язвительно спросил Игорь.

– Голова кружится.

– Ах, головка закружилась! Да ты ж моя бедненькая! По-лучай еще, стерва!

Третья затрещина свалила меня с ног. Я упала, ничего не видя перед собой. Отчим выпускал пар, нанося удар за ударом. Он бил ногами по спине; я извивалась, словно уж на сковородке, пытаюсь избежать атаки.

– Я научу тебя уважать старших, – вновь и вновь повторял Игорь, нанося новый удар при каждом слове.

Когда ему надоело и пар был выпущен, он схватил пятерней меня за волосы, оторвав голову от пола и приподняв ее, и прорычал над ухом:

– Еще раз узнаю, что ты была там, я тебя так отделаю – мама не узнает, усекла? Ты у меня юшкой умоешься!

– Да, – выдохнула я.

Отчим ушел, оставив меня лежать на полу. Я рыдала от боли и злости. Я не понимала, к чему такая жестокость и не догадывалась, почему же нельзя видетсья с папой. Я знаю,

что бабушка периодически дает маме деньги, так почему мама с отчимом в один голос утверждают, что туда нельзя ходить и что папа бросил меня?

Я мечтала, что мама и папа жили вместе, а Игорь чтоб исчез. Тогда я была бы счастлива.

Ну а тем временем меня начали посещать мысли о суициде.

ГЛАВА 5

А тем временем ситуация дома накалялась. Игорь словно с цепи сорвался; жить стало невыносимо. Побои стали ежедневными, наказания становились изощреннее. Он будто искал повод, чтоб выплеснуть свой негатив на меня. Странно, но на маму он никогда не срывался.

Каждый вечер отчим ездил к друзьям на своей машине. По возвращении он был всегда очень зол, врывался ко мне в комнату и орал: «Дневник! Живо!» Как и у любого другого школьника, у меня были и другие оценки, помимо «пятерок». Его глаза наливались кровью, голос сотрясал окна, а я вжималась в стул, зная, что в очередном приступе бешенства Игорь меня поколотит.

– Какая же ты тупая! Господи, как можно быть такой тупой!?! – кричал он в неистовстве. – Ты меня специально, что ли, бесишь? Ты хочешь, чтоб я тебя побил? А? Что ты молчишь? Говори, ты хочешь, чтоб я тебя побил?

– Нет, – едва смогла произнести я, вжав голову в плечи и опасаясь удара.

– Тогда какого черта я здесь вижу? Что это за оценки? За что «четыре»?

– Ошиблась...

– Если ты ошиблась, значит плохо занимаешься и не слушаешь учителя! Тогда сиди и учи, пока не выучишь – из-за учебников не встанешь! Ты поняла меня?

– Да.

– И чтоб завтра подошла к учителю и исправила оценку!

– Но у нас нет завтра этого урока.

– А меня это волнует? Чтоб завтра же исправила!

Швырнув в меня дневник, он направился к двери, и уже на пороге обернулся:

–Если ты хочешь, чтоб тебя побили, подойди ко мне и скажи: «Пап, побей меня». Вечно выводил меня...

С этими словами он вышел. А я сидела над книгами до глубокой ночи, пока отчим не разрешил мне, уставшей и голодной, лечь спать.

Однажды холодным зимним вечером Игорь, как всегда, занимался моим воспитанием, обучая, как он выразился, житейским премудростям, которые заключались в том, как правильно обходить лужу. Было далеко за полночь, рядом сидела сонная мама, а Игорь мне все втолковывал, что лужу надо обходить, а не ждать, пока она высохнет. Я тоже уже засыпала, поэтому мне было все равно и на лужу, и на Игоря;

я просто хотела спать. В какой-то момент обсуждение лужи перешли к выяснениям, кто кому приходится. В полудреме я ответила:

– Ты мне папа, а она – мать.

Я была уверена, что это именно то, что он хотел услышать, что я все правильно сказала. Но мой ответ его не удовлетворил, потому что он рассвирепел и начал орать, брызжа слюной:

– Какая еще мать? Да как ты смеешь так разговаривать с мамой, соплячка? Она тебя родила, подарила жизнь, ты ей по гроб жизни обязана, а ее обзываешь «мать»? У тебя еще сопли под носом не высохли, чтоб так разговаривать со старшими!

– Игорь, успокойся, пусть будет «мать», ничего страшного, – крики разогнали сон мамы, и она попыталась заступиться за меня.

– Не лезь! – с вызовом ответил он, злобно зыркнув на нее исподлобья.

Мама замолкла и откинулась на спинку кресла. Отчим продолжал в неистовстве орать о неуважении к матери. Мне страшно. Я боюсь снова испытать боль, которая будет преследовать меня неделями. Наверно, в какой-то момент он увидел, что я задремала под его бубнеж, потому что почувствовала рывок назад и вверх. Стул опрокинулся, а Игорь уже тащит меня за шиворот противоположной стене. От усталости все чувства притупились, поэтому я даже не со-

противлялась. Да и как физически противостоять взрослому мужику весом под центнер?

Подтолкнув меня к стене, он приказал биться головой о стену, пока не поумнею. Что? Я не ослышалась? Биться головой?

– Что ты стоишь? Или я тебе не на русском языке сказал? Стой и бейся головой о стену, раз ты такая дурочка, – взревел отчим.

Я стою перед стеной в немом оцепенении, не зная, что делать. Он подскочил ко мне, хватая огромной ручищей мою тоненькую шею, и с силой стукнул лбом о стену. В голове вспыхнул фейерверк. Как будто издалека я услышала голос:

– Вот с такой силой и бейся, и чтоб я слышал звуки ударов!

Не могу в это поверить, но я бьюсь головой, намного снижая силу ударов, нежели, чем меня стукнул Игорь. Взрослые в это время ругались, но слов я не слышала; в голове будто туман, в глазах плясали темные точки.

– Сильнее! Я не слышу, как ты бьешься, – голос Игоря звучал будто из колодца.

Я ударилась сильнее о бетонную стену, обклеенную дешевыми обоями в жуткий мелкий цветок. Как же я ненавижу эти обои! Как же я ненавижу Игоря! Как же я ненавижу свою жизнь!

Перестав спорить с женой, он встал и подошел ко мне. Я подумала, что сейчас мне зададут трепку. Но отчим схватил

меня за ворот кофты и поволок прочь из комнаты. Слишком болит голова, чтобы думать. Но куда же он меня тащит? Мы вышли из дома, направившись к сараю. Да что же он задумал? Войдя в сарай, он толкнул меня на стоявший там старый пыльный диван. К нам подошла мама, как всегда безмолвная, словно рыба. Она села рядом, но держала дистанцию. Игорь навис над нами обеими, он что-то говорил, но я не могла разобрать слов из-за головокружения и боли. Меня трясло от холода, ведь на мне были только тонкие брючки и кофта.

Отчим тряхнул меня как куклу, что ненадолго привело меня в чувство.

– Посидишь тут, пока я не решу тебя простить. Подумай пока над своим поведением, – сказал он, выдыхая клубы пара при каждом слове.

Рядом с диваном валялась куча старых вещей, которые были мне малы, но хранились беспорядочной кучей в сарае. Мама выудила оттуда мою старую детскую шубу и, как смогла, накрыла меня.

– Нечего ей поблажки делать, – заметил Игорь, снимая с меня шубку и накинув ее на плечи дрожавшей от холода мамы. – Пусть посидит здесь, ей полезно.

– Игорь, я спать хочу, заканчивай это все, – слабо запротестовала женщина.

– Так иди спать, в чем проблема? Она пусть тут остается.

– Я без нее не пойду.

– Она не заслужила, – презрительно отрезал Игорь.

Кажется, она возражает ему, а я тем временем сижу в полубморочном состоянии. Он ушел, оставив нас вдвоем. Мама сидела, сложив руки на коленях и изредка бросая на меня беглый взгляд. Она сняла с себя шубку и накрыла меня ею. Вскоре вернулся Игорь и загнал нас домой спать. Я отключилась, едва коснувшись головой подушки.

Этот день был забыт как страшный сон. Эта тема была закрыта, а отчим отстал от меня на какое-то время.

День прошел, но ему на смену пришли другие, не менее жестокие, дни.

ГЛАВА 6

Я каждый день молила Бога, чтоб избавил меня от страданий и мучений, но Он не слышал. Как-то мне попалась молитва на кусочке картона, я хранила ее под подушкой и читала на ночь. Но становилось только хуже – Игорь продолжал зверствовать, боли не утихали, замучали бессонница, уроки и домашние дела. Тогда я стала молить Бога о смерти. Я даже составила завещание. Но что может завещать двенадцатилетний ребенок? Я завещала, чтоб мои игрушки похоронили со мной. Этот листок я бережно хранила под подушкой вместо молитвы, которую я порвала на мелкие клочки и выбросила.

Просыпаясь каждое утро, я была зла. На Игоря – за побои,

на Бога – за такую жизнь. Вскоре я поняла, что мне уже никто не поможет и я действительно осталась одна; и жить мне так всю жизнь, пока один из нас не умрет. Зла я была и на маму. За то, что выбрала себе такого мужа и ничего не делает для моей защиты.

Оглядываясь назад, я не понимаю, что держало вместе этих двоих. У них не было ничего общего, даже чувств друг к другу. У меня всегда было такое впечатление, что Игорь ненавидит вообще все, что его окружает, ненавидит свою жизнь. Как и мама ненавидит свою. Ненавидит и терпит: ее не трогают и хорошо, жить можно.

У них не было ни любви, ни заботы, ни нежности, ни взаимопонимания. Они никогда не проводили время вместе. Каждый жил своей жизнью: отчим занимался самогонварением и «воспитывал» меня, а мама работала. После работы она всегда смотрела бесчисленные сериалы; летом ненадолго выходила в огород. Когда мы с ней оставались наедине, я пыталась с ней поговорить, рассказать о моих успехах в школе, но она всегда молчала и думала о своем, витая в облаках. Сомневаюсь, что она когда-либо слушала меня. Я знала, как сильно она ненавидит огород; ей приходилось после тяжелого рабочего дня возиться на грядках.

Также всеми фибрами души она ненавидела выходные, когда мы с утра до вечера убирали, готовили и стирали. Совместный поход на рынок превращался в катастрофу. Маме все не нравилось – моя прическа, моя одежда, моя поход-

ка, моя осанка. Всегда находился повод, к чему придраться. Она то дергала меня за волосы, то лупила по спине, говоря не сутулиться, то называла глистой в скафандре, чем доводила меня до слез. Мать вымещала на мне свое негативное настроение и недовольство жизнью. Как будто это я виновата, что она глубоко несчастна. Как будто я виновата, что родилась у нее...

Мне всегда казалось, что она мечтает жить одна и что одной ей жилось бы лучше. Может, тогда она была бы счастлива? Уже тогда я решила, что вырасту и после учебы уеду из станицы, чтоб больше никогда не возвращаться. Я мечтала о самостоятельной жизни, о независимости. Мечтала, что буду работать и жить, как хочу я – ходить, куда хочу, одеваться, как хочу, готовить и есть, что я хочу. Отчим любил приговаривать, что я не справлюсь одна, что не смогу без мамочки и что прибегу обратно. На его слова я мало обращала внимание, но решила, что у них я точно никогда не попрошу помощи, как бы плохо ни было.

Они всегда были для меня антипримером. Я смотрела на них и думала, что никогда не стану такой же. И конечно же, у меня не будет ни хозяйства, ни огорода. Взрослые жили каждый в своем мире, тихо ненавидя друг друга. Их объединяли только быт, огород и сплетни о соседях и знакомых. Мы никогда не выбирались из дома. Не было совместных поездок на море или на природу, не было прогулок или походов в гости. Более того, у нас никогда не было совместных ужинов

или совместных праздничных посиделок. Мы не отмечали никакие праздники, не дарили друг другу подарков, не принято было и оказывать друг другу знаки внимания и говорить комплименты. Мне запрещалось приглашать подружек в гости, как и самой ходить к ним. Первый свой день рождения я отмечала в пятнадцать лет. Мне было разрешено пригласить школьных подруг, был куплен торт, и мы вчетвером сидели на нашей кухне. Было много подарков, смеха и шума. Мама каждые 10-15 минут выбегала из комнаты и шипела, чтоб мы вели себя тише, а то мы мешаем взрослым смотреть телевизор. Когда все ушли, отчим долго орал за то, что мы шумели.

Мама редко покупала себе одежду, годами нося одно и то же. Мне одежда покупалась еще реже. И обычно это была обувь на размер меньше и платья с футболками на три размера больше. В обувь я не влезала, а в одежде – утопала. Мать всегда злилась из-за этого и ругала меня. Будто я виновата, что она не знает моего размера. Мне не нравилась одежда, купленная ею, ведь покупала она всегда на свой вкус. Это были расклешенные платья на пуговицах, так любимые ею и футболки в цветочек, которые годились разве что пенсионеркам. Молодежные модные вещи никогда не покупались. Если же я покупала себе что-то из вещей, когда бабушка тайком подкидывала денег, то это осуждалось и запрещалось носить. Как говорили взрослые, девочки такое не носят. Помню, была у меня футболка, очень модная в то время

и очень мною любимая, с изображением следа от ботинка. Недолго же я ее носила – отчим психанул и разорвал ее прям на мне. Я тогда очень долго плакала.

А Игорь, видя страдания и слезы, забрал все мои вещи, оставив лишь платье, купленное матерью для меня. Оно было большим – через пройму виднелась грудь. Я ненавидела это платье еще и потому, что оно было нелепым – голубым в мелкий цветочек, и я была в нем похожа на старушку. Отчим все твердил, что я неблагодарная и недостойна такой матери, ведь она заботится обо мне и одевает.

– Ты будешь носить то, что купила тебе мать! Она могла бы из продуктов что-то купить, а купила тебе такое классное платье! Вообще уже обнаглела, совсем не ценишь, что для тебя делают! – заявил Игорь, унося кучу моих вещей и пряча их в комнате матери.

Я пыталась возразить, впрочем, безуспешно:

– Оно велико мне, да и неудобно в нем.

– Ничего, привыкнешь. Заодно подумаешь над своим поведением.

– А как же сменная одежда?

– Ты что, спорить еще со мной будешь? Совсем страх потеряла? Я сказал, будешь носить, что купили! А это – чтоб больше не спорила... – не успев договорить, Игорь побежал в мою комнату. Он стянул с кровати мое постельное белье и, скручивая в рулон вместе с матрасом, унес в комнату матери. Остались лишь тоненький плед и подушка.

– Ты и этого не заслужила, – сказал Игорь и, стянув с подушки наволочку, кинул ее на пол.

Я стояла, оцепенев, и смотрела на него.

– Теперь будешь спать так! Чтоб знала, как открывать свой поганый рот! Чего ты вылупилась? Что ты смотришь на меня?

– Ничего, – потупив взгляд, прошептала я.

– Ах ты шельма! Идиотка! Дура какая! Ты долго будешь бесить меня?

Игорь уже ревел. Глаза знакомо налились кровью, ручища сжались в кулаки. Наверно, в такие моменты он себя не контролировал. Я смотрела в глаза цвета неба и понимала, что я не только ненавижу этого человека и эти глаза, но и голубой цвет. Уверенный в своей правоте, он дал волю кулакам. Когда ему надоело меня бить, он ушел, оставив меня лежать на полу. Игорь выпустил пар, он папа и он меня воспитывает. Едва я успела подняться, меня отправили в огород, ведь домашние дела никто не отменял. И боль в теле – еще не повод от них отлынивать.

Вечером пришла мама. Игорь вкратце ей рассказал о случившемся и о моем наказании, велел не давать мне постельного белья и одежду. Она молча выслушала и, пожав плечами, ушла смотреть телевизор. Ей было все равно.

Две недели я носила это чертово платье, которое ненавидела все больше и больше. Неделю я спала на железных пружинах, которые больно впивались в тело, от чего оно посто-

янно болело и ныло. Укрываться было нечем – покрывало я постелила вместо матраса, поэтому укрывалась я платьем. Спустя неделю отчим сделал мне великое одолжение, вернув постельное белье и матрас.

В то лето у отчима появилось много друзей, а мама обзавелась подругой, которая жила на соседней улице. А я подружилась с дочкой этой самой подруги – ВалеЙ. Мы часто играли у нас во дворе, пока наши мамы болтали за чашкой чая. А в свободное время я читала учебник по высшей математике, который был отдан одним из приятелей отчима, а тот в свою очередь заставил меня изучать от корки до корки. Сказать, что я ничего не понимала, – ничего не сказать. За что отчим поставил мне фингал на пол-лица и заставил носить солнцезащитные очки. Они были большими и постоянно сползали с носа, но Игорь запрещал мне их снимать даже в доме. А также дал указание всем говорить, кто увидит, что я с мальчиком подралась.

ГЛАВА 7

К тринадцати годам в моей голове четко сформировалась мысль о суициде. Я твердо решила умереть, устав от унижений и вечных побоев, но боялась. Боялась, что выживу. Ведь тогда Игорь с меня шкуру сдерет заживо, а мама будет стоять рядом и равнодушно наблюдать. Я должна умереть, нет сил больше терпеть это все. Надо отдать должное этому чу-

довищу – он предусмотрел все, чтоб слухи о его поведении не вышли за пределы дома. Бил он чаще всего так, чтоб на теле не оставалось синяков. И часто угрожал, что если я кому-то что-то расскажу, то он убьет. И я верила ему. Мать же стриглась под мальчика с тех пор, как он проволока ее по всему дому.

Я знаю, что Игорь хотел общего ребенка, но она отказала. Не знаю причин, почему они не обзавелись ребенком, но слышала, как мама сказала ему, что двух детей они не потянут. Мне всегда казалось, что это и есть причина ненависти его ко мне. По станице ходили слухи, что он бесплоден, а его дочь от первого брака и не его вовсе. В любом случае, оба взрослых вымещали на мне свою неудовлетворенность жизнью, самоутверждаясь при этом и люто ненавидя друг друга и свои жизни.

К тому времени мамина подружка – Елена – бывала у нас в гостях почти каждый день, даже когда матери не было дома. Пока мы с Вале́й играли во дворе, отчим ненадолго запира́лся с Еленой в доме. Закончив взрослые дела, она забирала свою дочь и уходила. Вскоре любовники начали писать друг другу записочки, поскольку интернета в то время не было, а телефоны только начали появляться и были не у каждого. А носила эти самые записочки я, по полдня бегая туда-сюда.

У них была любовь, Елена хотела выйти замуж за него, однако Игорь не хотел уходить с насиженного места, сославшись на семью.

Однажды я подслушала их разговор.

– Я не могу бросить женщину, с которой прожил шесть лет. Что она делать без меня будет и как будет растить дочь? У нас общий дом и совместный быт, я не могу бросить все и сбежать. Мне жалко ее. Давай оставим все, как есть? – говорил Игорь. Но женщину не устраивало такое положение дел.

– Нет. Я не хочу быть любовницей, я хочу замуж за тебя, потому что люблю. Давай поженимся и уедем?

– Или все остается, как есть, или мы прекращаем общение. Я же сказал, здесь мой дом и я никуда не уйду отсюда. Я все сказал.

Елена сдалась. Она действительно полюбила его, потому что приняла это условие.

– Только не бросай меня. Только будь рядом, – прошептала она.

Я, само собой, помалкивала, ибо боялась, что мне достанется. Часто одноклассница рассказывала, что видела моего отчима с Еленой.

– Ты знаешь, мы тут с друзьями ходили на карьер, – поведала мне подружка, и мы видели твоего папу с теткой какой-то. А где твоя мама, почему она не с ними?

– Отчим. Он мне отчим. Мама дома, а он с подружкой развлекается.

– Слушай, они сидели в машине, она так сильно раскачивалась...

– А потом?

– А потом они плавали в карьере. Поплавали и уехали.

Тем летом меня отправили на две недели в детский лагерь, расположенный в сосновой роще неподалеку от станицы. Каждые три-четыре дня приезжал отчим со своей пассией. Я каждый раз спрашивала о маме, когда она придет. Я очень ждала маму, а Елена меня начала раздражать. Мама приехала всего один раз, и я тут же засыпала ее вопросами:

– Мам, почему ты не приезжала, ты была занята? Папа с тетей Леной часто приезжали...

При этих словах мать поменялась в лице и насупилась.

Вскоре я вернулась домой. Отчим обиделся, что я его сдали матери и в наказание пообещал, что в лагерь я больше не поеду никогда. Должна сказать, что это свое обещание он сдержал. А мама узнала обо всех его похождениях и любовных отношениях со своей подругой. Она увидела свое новое платье на Елене, а ведь она обыскалась его, несколько раз перерыв весь шкаф. В бардачке машины мама нашла презервативы и чужую юбку. Вот тут-то все ее догадки и подтвердились. Был жуткий скандал.

– Иди! Собирай свои вещи и уходи к своей Лене! – кричала мама в истерике.

– Ну что ты, солнышко, я же тебя люблю, ну куда я пойду от тебя? Мое место здесь, рядом с вами, вы – моя семья.

Отчим предпринял слабые попытки оправдаться, жалостливо улыбаясь.

– Какое я тебе еще солнышко? Раньше надо было думать!

А теперь вспомнил, что у тебя семья есть!?! – завопила еще громче мама.

– Ну прости меня, бес попутал. Она вообще сама на меня вешалась.

– Все, я не хочу тебя больше слушать, собирайся и иди к своему бесу.

От отчаяния мама медленно опустилась на стул, закрыв лицо руками. Игорь пытался ее обнять, как-то утешить, но она лишь оттолкнула его.

– Я сейчас уйду к Васе и останусь там ночевать. Мне надо все обдумать, а утром я приду и поговорим.

Игорь стоял, как вкопанный, глядя вслед уходящей жены. Только тогда он понял, что может потерять все. Проплакав весь вечер, он связал петлю на веревку и закинул на дерево во дворе, только почему-то петля болталась на уровне груди. А отчим сел ждать маму, но та не приходила. Глубокой ночью, когда я спала, он порезал себе руку кухонным ножом и разбудил меня криками. Страдалец сидел на кухне, привалившись спиной к стене. Из глубоких ран сочилась кровь, стекая ручейком к запястьям и падая крупными каплями на вылинявший линолеум. Такую картину я и застала, зайдя на кухню. Жутко перепугавшись, я не знала, что делать, и злилась на маму, за то, что она ушла, оставив меня в такой ситуации. Первая мысль была бежать к соседям и вызвать скорую, поскольку телефона у нас не было. Я стояла в ступоре, глядя на порезанную руку отчима, на залитый кровью пол, и

раздумывала, что делать.

– Посиди со мной, – Игорь поднял голову и жалостливо посмотрел на меня.

– У тебя кровь идет, надо скорую вызвать.

– Да это ерунда, все нормально. Твоя мама меня бросила, ушла от меня. Посиди со мной, а?

Тут мой взгляд упал на сверкающий нож в окровавленных руках. Мне стало еще страшнее. Игорь истекал кровью, и, казалось, что вся кухня ею залита. А что, если он умрет? Что мне делать? Почему нет мамы?

– Давай я все-таки сбегаю к соседям и вызову скорую? – испуганно прошептала я.

– Не надо, я сказал! Будь здесь! – вдруг рявкнул отчим.

Мне ничего другого не оставалось, кроме как молча стоять рядом с ним, пока он сидел на полу и истекал кровью. Его голова свесилась на грудь, он сидел неподвижно, раскинув руки в стороны. Я взяла тряпку и начала вытирать кровь.

– Можешь идти ложиться спать, – прохрипел Игорь, не поднимая головы и едва открыв глаза.

– А как же ты?

– Не знаю... Иди отсюда.

Я ушла в свою комнату, легла в кровать, но от переживаний сон не шел. Так и пролежала без сна остаток ночи.

Мама пришла домой ранним утром. Игорь подждал ее всю ночь, не сомкнув глаз, и услышав звук захлопывающейся

калитки, побежал к дереву, где его ждала петля. Конечно же, мама купилась на этот спектакль и, испугавшись, как бы он действительно не повесился, побежала за ним. За это время Игорь успел накинуть веревку на шею.

Потом взрослые долго разговаривали, плакали; отчим стоял на коленях перед женой, вымаливая прощение и обещая прекратить общение с любовницей. Игорь клялся и божился, что ее не будет больше в их жизни. Да, мама простила его, Елена больше никогда у нас не появлялась. Как и прекратилось наша дружба с Вале́й, поскольку взрослые запретили мне всяческие контакты с девочкой. Думаю, Вале также промыли мозги, запретив со мной дружить. В общем, семья воссоединилась, а я лишилась подруги.

Помню, спустя несколько лет девочку насмерть сбила машина. О, как же моя мама радовалась этому! Говорила, что поделом Елене и что дети расплачиваются за грехи родителей. Это был крайне неприятный разговор, от которого просто волосы вставали дыбом.

Мама простила мужа, но осадок, конечно, остался. Отношения у них испортились окончательно. Они еще больше отдалились друг от друга и практически уже не разговаривали, лишь срываясь за свои неудачи на мне.

Вскоре после представления с повешением к нам приехала мама Игоря. Узнав, что ее сыночек пытался наложить на себя руки, она тут же примчалась отчитать нерадивую невестку. Опять крики, ссоры, ругань. Мать в слезах, а

Игорь, ухмыляясь, сидит в сторонке и наслаждается.

– Это все ты виновата! Я так и знала, что сын мой будет несчастлив с тобой! – отчитывала свекровь мою маму.

– Но, мам, я...

– Молчи! И не перебивай старших! Что за манеры? Никакого уважения!

– Мам, послушайте...

– Да что мне слушать тебя? Соплячка! Ты мне сына чуть не угробила! Думаешь только о себе. Обо мне ты подумала? Или о муже своем?

Мама предприняла слабые попытки оправдаться:

– Он сам за моей спиной шашни крутил то с одной, то с другой. А я все узнала, он думал скрывать это все от меня? И сколько же он намеревался гулять от жены?

– И что, что гулял? Что с того? Это потому, что ты непутевая. Связался с тобой на мою голову, даже родить ему не в состоянии. Что ты за женщина вообще?

– У меня уже есть дочь...

– Это твоя дочь, а Игорю нужны свои дети, а не чьи-то.

Мама больше не защищается, а просто сидит, понуриив голову и глотая горькие слезы. Игорь все это время сидел, наблюдая со стороны, и даже не пытался ни защитить свою супругу, ни возразить матери.

В тот день я поняла, что мама боится свекрови и ни о каком разводе не может быть и речи, а я так надеялась...

ГЛАВА 8

Жизнь текла своим чередом, войдя в привычное русло. Ничего не изменилось, лишь взрослые практически перестали обращать внимание друг на друга, живя каждый в своем мире.

Одним жарким летним днем отчим засобирился с друзьями на море. Нас с матерью тоже позвали, но меня тут же наказали за очередной проступок, что-то вроде не налитой воды собаке. Лишь бы не брать меня с собой, лишь бы я осталась дома, а я и моря-то никогда не видела за 15 лет. Мама не смогла отпроситься с работы и просила перенести поездку на пару дней.

– Семеро одного не ждут, – грубо отозвался Игорь. – Если хочешь поехать, отпрашивайся.

– Но у меня работа, я не могу, – вяло пробормотала мама.

– Значит ты не едешь! Сиди дома со своей дурой дочерью, две идиотки.

– Люди семьей едут, а ты один, это неправильно, – снова возразила она, понимая, что все равно ничего не добьется.

– Ну и что! Скажу, что у всех дела. Я устал сидеть дома, я отдохнуть хочу. От ваших рож отдохнуть.

– Я тоже устала...

– Тогда отпросись с работы.

– Меня не отпускают. А ты дома сидишь, от чего ты устал?

– Значит, остаешься?

– Я хочу на море...

– Поехали! Мозги только выносишь!

– Да не могу я.

– Ну и торчи дома! – Игорь взорвался в очередной раз и, хлопнув дверью, выбежал во двор.

Он открыл ворота, прыгнул в машину и укатил прочь, оставляя позади себя клубы пыли. Закрыв ворота и проводив взглядом отчима, я подошла к маме. Она явно была в плохом расположении духа, поточу что велела мне убираться с глаз долой. Что ж, зато теперь можно вздохнуть спокойно на какое-то время и насладиться тишиной. Ни криков, ни ругани, ни его огромных кулачищ и безумных глаз, ни наказаний. Оно того стоит, чтоб остаться дома.

Но вскоре случилось то, что перевернет мою жизнь и навсегда выкинет мысли о суициде.

Оказалось, Игорь на отдыхе пил два дня, ночами напролет торчал в барах, знакомясь с женщинами и ведя себя крайне непристойно. Это все нам рассказали друзья, с которыми он ездил и отдых которых превратился в кошмар, потому что они бегали за взрослым мужиком как за ребенком и под руки выводили из бара.

Человек, не любящий выходить из дома, сидящий без работы, вдруг захотел на море. Он всегда говорил, что нагулялся еще по молодости и теперь он домосед. Настолько, что и работать не желает, видимо и работа надоела еще в молодости, если он, конечно, вообще работал когда-либо. Они по-

стоянно спорили с мамой по этому поводу.

– Я в своей жизни достаточно работал, хватит с меня.

– Но моей зарплаты не хватает, этого мало, а еще и дочь надо растить, – в который раз возмущена мама.

– А я причем? Растягивай. Я на пенсии, и ты все до копейки забираешь у меня. Куда ты все деваешь?

– Коммунальные как, по-твоему, оплачиваются? Все сейчас дорогое, твоя пенсия вся уходит на платежи.

– А свою зарплату куда деваешь?

– Живем на что? Вот все и уходит на продукты.

– Что ж твой бывшенький не помогает? – ехидничает Игорь.

– Не начинай, ты же знаешь, какой он.

– Вот именно, знаю. Знаю! И воспитываю его дочь, которая меня ни в грош не ставит. Никакой благодарности!

– Она маленькая еще, многого не понимает, – возразила мама.

– Какая она маленькая? Вон кобыла какая вымахала.

– Школа вот закончится, ей надо куда-то поступать, денег нет. Что будем делать?

– Нечего ее баловать, пусть работать идет. И так ее сколько лет, нахлебницу, содержим. Хоть бы помогала. А она плевала и на тебя, и на меня.

Мать лишь вздохнула, промолчав, а Игорь позвал меня.

– Пришла, дармоедка? – громовым голосом воскликнул отчим. – Чё вылупилась? Раньше, когда девочке исполнялось

четырнадцать, ее выгоняли из дома, и она жила самостоятельно, а ты до сих пор живешь на наших шеях. Ты должна быть благодарна, что мы позволяем жить в этом доме, в котором ты палец о палец не ударила.

– Разве я не помогаю? – запротестовала я.

– Да что ты там помогаешь? Тебя мамочка бережет, все за тебя делает, ты не в состоянии даже суп сварить. Кобыла вымахала, а все держишься за мамину юбку.

– Конечно нет, я выучусь и работать буду.

– Ой не смей меня, работать она будет. Кем? Кто тебя возьмет никчемную такую? – прокомментировал Игорь, наклоняясь ко мне так, что кончик его носа едва не касается моего. – Ты настолько никудышная, что тебя не возьмут даже коровам хвосты крутить! Тебе же ничего нельзя доверить! Всё ждешь, когда за тебя мамочка сделает. А она тебя всегда примет, вот ты и пользуешься ею.

Я стояла, понутив голову и слушая сей монолог. Однако мыслями я была далеко. Но для себя я решила, что как бы плохо ни было, никогда не обращусь к ним и не прибегу за помощью. Я должна стать самостоятельной и независимой! Чего бы это ни стоило!

Именно тогда я решила взяться за ум и исправить все плохие оценки, начав действительно учиться и выполняя те задания, которые нужны, а не изучать высшую математику, которую изучают в университете.

Я пришла к выводу, что взрослые гнобят меня в основном

из-за недостаточно хороших оценок и, если я улучшу их, меня станут считать за человека. Убежденная в этом, я с новой силой взялась грызть гранит науки, участвуя в школьных и краевых олимпиадах и получая грамоты.

Но даже тогда старшие не оценили моих стараний, хотя я долго и тщательно готовилась.

Вскоре Игорь запил.

Уезжая каждый вечер на пару часов, он проводил время с друзьями, а по возвращению вымещал на мне свое плохое настроение. Но одним сентябрьским вечером отчим не вернулся домой. Не зная, где его искать, мама провела остаток вечера и полночи у соседа, обзванивая больницы. Его сотовый, который был в то время роскошью и имелся в семье только у него, не отвечал.

Мать вернулась в слезах и до утра проревела в своей комнате. Тем не менее в восемь утра она ушла на работу, а я осталась дома одна. Буквально через час у ворот посигналила машина – вернулся Игорь. Я бросилась открывать, пропуская машину во двор. Но за рулем был не Игорь, а наш сосед, который выйдя из машины молча вручил мне ключи. Я растерянно поинтересовалась, а где собственно виновник торжества.

– Так он в вытрезвителе, – ответил дядька.

– Что? В каком еще вытрезвителе? Игорь же не пьет...

– Откуда мне знать? Я мимо шел, он дал мне ключи, попросил отогнать машину домой к вам.

– Врешь.

– Давай открывай калитку, и я пошел.

– Сейчас проверю, все ли на месте.

– Открывай давай!

– Где Игорь? – не унималась я.

– Я же сказал, в вытрезвителе он. Пьяным за рулем попался.

– Да не пьет он.

– Ну а сегодня напился. Все, выпускай меня, мне идти надо.

Я не знала, сколько денег было с собой у Игоря, но документы и телефон были на месте, а в бардачке валялась какая-то мелочь. Я позвонила матери на работу, чтобы успокоить ее, но она только разрыдалась, услышав такие новости. Зато теперь она в курсе и не надо переживать и обзванивать больницы, предполагая самое плохое. Ну а у меня впереди весь день в тишине и спокойствии и без взрослых. Однако моим планам не суждено было сбыться, потому что через пару часов привезли отчима. Как оказалось, по закону инвалидов не имеют права задерживать и тем более держать в вытрезвителе, а благодаря родственным связям в милиции его доставили к дому прям на служебной машине, попросив его не пить и не садиться за руль в пьяном угаре.

Счастливый и пьяный Игорь прошел в дом и прилег в гостиной на диване.

– Ты где был? – негодовала я. – Мама всю ночь тебя ждала,

слезы лила, все больницы обзвонила.

– Ой, не шуми, – расслаблено тянул слова отчим, прикрыв глаза ладонью. – И мамке не говори. Сейчас посплю часик и все пройдет.

– Я ей уже позвонила, она же переживает.

– Ну позвонила и хорошо.

Услышав, что от двора отъехала милицейская машина, Игорь резво вскочил с дивана. Сон как рукой сняло.

– Давай открывай ворота и поехали! – воскликнул он.

– Совсем с ума сошел? Ты же пьян! Куда ты собрался? – пыталась вразумить я нетрезвого мужика.

– Как куда? К женихам! Ты едешь со мной!

– Каким еще женихам? Спать иди!

– Меня Жека позвал, у него два сына, вот мы и едем знакомиться, – все не унимался Игорь.

– Я никуда не поеду, хочешь – сам езжай.

– Поедешь как миленькая!

С этими словами он схватил меня за руку, потащив во двор.

– Я не поеду, отпусти меня, – взмолилась я, пытаюсь вырваться.

– Ладно-ладно, ворота только открой.

Я побежала открывать ворота, думая, что теперь меня наконец-то оставят в покое. Игорь, проезжая мимо, открыл пассажирскую дверь, вцепился в мою руку и затащил меня в машину. Я упиралась как могла, но все же отчим namного

сильнее, поэтому я все же оказалась внутри. Лихорадочно ища ремень безопасности, я пыталась пристегнуться, но не нашла заглушки. И так было понятно, что человек за рулем не в адеквате и мы по-любому куда-нибудь врежемся.

Сначала мы двинулись на заправку; путь туда казался бесконечным. Игорь небрежно рулил, пялясь на меня и неся какую-то чушь. Машина все время петляет, едя зигзагом, то и дело норовя угодить в кювет. Каким-то чудом мы без происшествий добрались до заправки, несмотря на то что мы даже вылетели на встречную полосу. Я всю дорогу просила отчима смотреть на дорогу и выпустить меня, но он только безумно улыбался.

– Да что ты все ноешь? Сейчас заправимся и поедем. Сиди уже, – заплетающимся языком лепетал оптимистично настроенный мужчина, подъезжая к колонке и зацепив ее крылом машины.

Пока заправщик заливал в бак бензин, я попыталась удрать, но безуспешно. Игорь сразу заметил мою попытку и, грубо схватив за плечо, велел сидеть. Я все думала, что мы разобьемся. Я не боялась смерти, нет. я боялась выжить и снова чувствовать боль. Боялась остаться калекой. Машину снова вынесло на встречную, непостижимым образом мы избежали столкновения. Я испугалась, вжавшись в сиденье, и закрыла лицо руками. Заглушку на ремне я так и не нашла и до сих пор была непристегнута. Услышав сбоку продолжительный звук клаксона, который все уносился дальше, я по-

няла, что мы избежали катастрофы. Я убрала ладони от лица и робко подняла голову. Игорь ехал как ни в чем не бывало. Он так и пялился на меня, а не дорогу. Машина мчала нас в центр.

Мы уже были в центре станицы, у поликлиники, когда случилось самое страшное – мы врезались в припаркованную машину.

Отчим в очередной раз глянул на меня; я посмотрела на него, как вдруг почувствовала мощный толчок. Дальше было как в замедленной съемке. Я медленно поворачиваю голову и смотрю вперед, прямо на борт ГАЗона, в который мы врезались. В следующее мгновение на меня посыпались тысячи мелких осколков лобового стекла и люка над головой. Я как можно быстрее закрыла ладонями лицо и попыталась спрятаться под сиденьем, но получилось лишь наклониться.

Я чувствовала, как сотни осколков врезаются в руки и лоб, остальные же рассыпались фейерверком по салону. Я слышала жуткий скрежет металла – капот машины смялся от удара и был похож на гармошку, над нами смялась крыша. Я боялась, что мы навсегда останемся под этими обломками.

Все произошло очень быстро, за считанные секунды, но мне это показалось вечностью. Я словно со стороны наблюдала за крушением, будто смотрела фильм с замедленным действием.

Наверное, я потеряла сознание, а может мне показалось, но я видела себя со стороны, сидящей в салоне и не отры-

вающей руки от лица. В тот момент мне показалось, что я умерла; было такое ощущение, что я стою на тротуаре и заглядываю в окно, вижу себя и отчима. Он не шевелится, сидит, вцепившись в руль и упершись в него лбом, с подбородка капает кровь. На секунду мне кажется, что он не дышит. Мне страшно. Что же мне делать? Кого звать? Мимо проезжают машины, прохожие идут по своим делам, все глазают на нас, но никто, ни один, не остановился, никто не подошел, чтобы помочь. Никому нет до нас дела. Как вдруг я очнулась.

Я осторожно поднимаю голову, до конца не осознавая, что я выжила. С волос на пол посыпались остатки стекла. Медленно отрываю ладони от глаз и смотрю на изрезанные и кровоточащие руки. Вся кожа утыкана осколками, во лбу тоже их много. Я это чувствую, проведя рукой. Я ранена? Насколько сильно? А Игорь? Он умер?

С этими мыслями я еле поворачиваю голову в его сторону. Какое-то мгновение он не шевелился и у меня накрывает волной ужаса. Он мертв. Но нет, еще мгновение и голова дернулась, оторвавшись от руля. Отчим посмотрел на меня, улыбаясь окровавленными губами. Кровь струйкой стекает с его подбородка прямо ему на грудь, заливая футболку. Господи, сколько же крови... От страха я дышу через раз, жадно хватая воздух ртом.

– Поехали домой, – как в трансе отозвался Игорь.

– Как мы поедem? Машина в лепешку, – кажется я забыла, как дышать и говорила, еле шевеля пересохшими губами.

– Сейчас поедem.

Как ни странно, но машина завелась. И даже довезла нас до дома. Над моей головой болтались клоки обивки и какие-то провода. Я сидела еле живая от страха, а Игорь улыбался за рулем. Мы сбежали с места аварии.

Припарковав машину в гараж, отчим направился спать, отказавшись от медицинской помощи и велел мне помалкивать о случившемся. У меня была истерика, слезы лились в два ручья. В голове всё крутилась мысль: «А что, если б мы погибли?» Тело била крупная дрожь.

Немного успокоившись, я решила оценить масштаб последствий. Лоб был истыкан мельчайшими стёклышками, ранки кровоточили, над правой бровью красовалась огромная лиловая шишка. Не помню, чтоб я ударилась где-либо, да и боли не было, однако огромная припухлость говорила сама за себя, сияя всеми оттенками фиолетового.

Я вытащила осколки из лба и кистей, обработала ранки и пошла отстирывать кровь со своего свитера. А через пару часов домой вернулась мама. Она уже была в курсе о произошедшем – кто-то ей уже рассказал, видимо, увидев нас в центре. К тому времени я успокоилась и сидела в своей комнате.

Она разбудила мужа и долго кричала на него.

– Ты что, совсем из ума выжил? – орала мама, переходя на ультразвук и яростно тряся кулаком перед его носом.

– Да ладно тебе, всё ж нормально, – отмахнулся Игорь от

надоедливой болтовни, переворачиваясь на другой бок.

Кровь всё продолжала течь изо рта, оставляя темно-красные следы на подушке. Почти весь диван был залит кровью, которая так и не останавливалась с момента аварии.

– Где нормально? – не унималась мама. Голос ее дрожал.

– А что такого случилось? – до Игоря никак не могло дойти.

– Что случилось? Он еще спрашивает! Ты выйди во двор и посмотри на машину, вот и узнаешь!

– А что с ней?

– Пойди и увидишь.

– Ты что-то сделала с моей машиной?

– Нет, Игорь, это сделал ты!

Отчим явно не понимал, что произошло, соответственно не знал о состоянии автомобиля. Он был слишком пьян.

– Я позвонила твоей сестре, скоро она приедет, – заявила мама.

– Зачем?

– Затем, что ты истекаешь кровью, а она – фельдшер.

Полотенце, которое она дала Игорю, быстро пропиталось кровью.

– Не надо, не впутывай её.

– Ну ты же не хочешь скорую вызывать, а тебе нужна помощь. Я не знаю, как остановить кровь.

– Ничего не надо, сейчас всё пройдет.

– Да ты только посмотри, – взвизгнула мама, – весь диван

в крови.

– Всё, отвали.

Мама только открыла рот, желая возразить, но не успела сказать ни слова, как у ворот посигналила машина – приехала сестра Игоря.

– Это что такое? Ты о чем думал? – ругалась родственница. – Что молчишь? Сказать нечего?

Он лишь разводил руками и продолжал улыбаться окровавленными губами.

Всё внимание было приковано к нему одному, как обычно на меня никто не обращал внимания. Всю жизнь в этом доме я была пустым местом.

– Поехали в больницу! У тебя очень сильный ушиб, а вдруг перелом?! Я боюсь за тебя, – сестра не на шутку была встревожена. – Ты потерял очень много крови.

– Никуда я не поеду! Зачем ты вообще приехала? Я тебя звал?

– Меня жена твоя позвала, попросила помочь. Прояви уважение. Посмотри на неё, она же переживает!

– Да всё со мной нормально.

– Игорьь, ты посмотри на себя! Где нормально? Кровь еле остановили, ты явно что-то повредил. Поехали, я отвезу тебя в больницу.

– Нет, я сказал. Я пошел спать, а ты вали домой, можешь и жёнушку мою прихватить, – рассвирепел отчим.

– Как знаешь. Я помочь хотела. Твердую пищу только не

ешь, иначе усугубишь. И воду через трубочку пей.

– Иди уже отсюда.

Его сестра вскоре уехала, а я вышла из своей комнаты и подошла к маме. Мне очень хотелось успокоить ее, как-то утешить.

– Мам, ну что ты переживаешь? Всё же хорошо, все живы...

– Ага, хорошо, как же... Посмотри, что он с машиной сделал!

– Ну и что, самое главное, что все живы. В конце концов, это просто железка, а мы могли погибнуть. Что бы ты тогда делала?

Я искренне не понимала, как можно плакать из-за разбитой машины...

– Что? Что ты сейчас сказала? – мама резко дёрнула головой в мою сторону, на миг перестав всхлипывать и причитывать.

– А что я сказала?

– Что значит «мы»?

– Я и Игорь, мы же вместе были.

– Как вместе? – ахнула мать, прижимая руки к груди и бледнея. – Ты что, в машине была с ним?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.